

© 1994 г. Ю. В. КРИВОШЕЕВ, А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО *

**ИЗГНАНИЕ НАУКИ: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
В 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ ХХ ВЕКА**

Российская историография конца XIX — начала XX в. являла собой одну из вершин отечественной культуры и науки «серебряного века». Разнообразие подходов к историческим событиям и явлениям далекого и недавнего прошлого обусловило существование различных научных школ и направлений. Во главе их стояли крупнейшие отечественные историки — С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, А. С. Лаппо-Данилевский, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтер, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский и др. Тематика их исследований охватывала все периоды и все стороны общественной жизни Руси и России; обращались они и к методологическим вопросам. Можно без преувеличения сказать, что русская историческая школа в это время выходила на передовые рубежи в мире: ни одна страна не могла представить тогда такую блестящую плеяду историков¹. Историографическое исследование «серебряного века» отечественной исторической науки еще предстоит². Цель же настоящей статьи — коснуться ее судьбы в первое пятнадцатилетие после 1917 г.

* * *

К истории исторической науки в Советской России в 20-е гг. неоднократно обращались как советские, так и зарубежные исследователи³. За разностью методологических и идеологических подходов их выводы в основном сводились к констатации имевшегося с первых лет советской власти в России противоборства марксистского и немарксистского (буржуазного) направлений⁴. Как правило, отмечалось, что борьба эта происходила в основном в рамках полемики (правда, не всегда научной) в условиях своеобразного «мирного сосуществования», а закончилась победой историков-марксистов (в последнее время приводятся факты прямого вмешательства карательных органов, приведшего к репрессиям против представителей старой школы).

При таких выводах полностью выпадала из поля зрения еще одна сторона этой борьбы: выхолащивание и уничтожение самого предмета русской истории, который в конце 20-х — начале 30-х гг. был заменен «историей СССР» (изучавшейся до 90-х гг.)⁵. Историки же, писавшие русскую историю, стали огульно обвиняться в «великодержавном шовинизме».

В новейших работах по этим сюжетам обращено внимание на воинственное отношение к культурному национальному наследию русского народа у большевистской власти. «Резкое классовое противопоставление культурных тенденций, селекция одной и низвержение другой основаны на крайних формах национального нигилизма, на стремлении отсечь от культуры прошлого все, противоречащее классовой, социальной, революционной идее, все, что напрямую не связано с ней», — так оценивает ситуацию того времени современный литературовед М. М. Голубков⁶.

---

* Кривошеев Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Аналогичным было состояние дел и в других общественных науках. Новая историческая наука строилась в основном на двух идеологических и методологических «китах»: интернационализме (ибо, согласно большевистской идее, российская революция вскоре должна была перейти в мировую, и, следовательно, в изучении национальной истории не было необходимости) и учении о классовой борьбе — ядре марксизма — как движущей силе исторического процесса.

Большое значение идеологи новой власти придавали преподаванию истории на всех уровнях обучения. Тон задавал Наркомпрос, которым руководили А. В. Луначарский и М. Н. Покровский⁷.

Атака на традиционное («формальное») историческое образование велась начиная от школы и кончая университетом. Так, например, в одном из своих выступлений А. В. Луначарский наметил, по сути, программу советской политики в области преподавания истории в средней школе. «Преподавание истории с той точки зрения, чтобы научить людей идее постепенности, закономерности, эволюции, должно быть отброшено; преподавание истории в направлении национальной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания тоже должно быть отброшено»⁸. Это было сказано в 1918 г. «Возьмем преподавание истории... — писал один из ведущих идеологов того времени Ю. Ларин в 1924 г. — Полагается сейчас более или менее знать первобытную историю, древнюю историю, среднюю историю, новую историю, новейшую историю. Что если от каменного и металлического "доисторического" человека, познакомив вкратце с логикой возникновения товарного хозяйства, с его надстройкой, перейти прямо к истории последних десятилетий?» Примерно начиная с 60-х гг. XIX в. он предлагал изучать «вообще тот ряд событий, какой непосредственно связан с пониманием современного положения». «Сейчас, — недовольно замечал он, — даже в одобренной ГУСом (Главный ученый совет. — *Авт.*) учебнике русской истории первой ступени имеются главы об Олеге, Святославе, Владимире Мономахе, Иване Калите и прочих и прочих». В связи с этим он решительно настаивал: «Пора порвать с этой традицией: представим себе, что "от Рождества Христова" прошло не две тысячи лет, а еще двадцать тысяч лет. Неужто и тогда все еще учить об Олеге, Иване Калите и "Соборном уложении царя Алексея" (есте и такая глава в нашем официально допущенном Наркомпросом учебнике первой ступени). Накопится в конце концов столько событий, что не поможет и упразднение летних каникул. Все эти подробности надо оставить для любителей, найдется достаточно охотников читать исторические книжки в свободное время, или для специальных занятий. Но нам пора перейти к ознакомлению с историей человека большими мазками: докаменный человек, человек каменной техники, век металла и современность. <...> Упрощение функций до действительно необходимых размеров — вот что должно стать правилом реформы как этого дела, так и всего госаппарата. Поставить дело так — значит вместе с тем создать широкую возможность для приспособления к выполнению этих функций (в данном случае преподавания истории в средней школе) социально близких нам элементов»⁹.

Таким образом, Ю. Ларин сознательно «упрощал» историю, исходя из революционно-утилитарных целей, чтобы исключить влияние в школе — уже на первой стадии обучения — «старой идеологии». На одной из страниц своей брошюры он высказывается достаточно откровенно: «Лучше топорнее, да по-нашему, чем тоньше, да по-чужому»¹⁰. Но одновременно с такого рода установками решается и еще одна задача: в школах упразднялась национальная русская история.

Борьба против чуждого влияния «буржуазной науки» велась и в университетах, где еще продолжали работать многие ученые-историки, так называемые старые «спецы». Осуществлялась она в двух направлениях: коренное изменение

учебного процесса и структуры гуманитарных факультетов и отстранение от преподавания старой профессуры.

Еще весной 1918 г. Государственная комиссия по просвещению обратила особое внимание на необходимость изменения учебных планов юридических и историко-филологических факультетов¹¹. Через год эти факультеты были закрыты, а вместо них были созданы факультеты общественных наук (ФОНы)¹², при которых существовали исторические отделения. Однако эти меры оказались недейственными. М. Н. Покровский констатировал в 1920 г.: «И вот у нас в университетах читается буржуазный курс русской истории, еще более буржуазная политэкономия и т. д. У нас читается идеалистическая философия профессором в таком направлении, что каждая лекция начинается и кончается Христом»¹³.

В 1921 г. проводится новая реорганизация преподавания общественных наук: учреждаются институты по подготовке «красной профессуры», а на ФОНах историческое образование ограничивается в основном изучением экономического развития и революционного движения в России в XIX — начале XX в.¹⁴

Об изучении русской истории в Московском университете во второй половине 20-х гг. вспоминает студент того времени (ныне академик) Б. А. Рыбаков: студенты-историки, как и студенты-археологи, «тоже не интересовались ни Киевской Русью, ни древностью вообще. Считалось, что это "бегство от современности", что изучать следует только события, происходившие не ранее, чем позавчера. И преподавать в то время историю начинали с периода декабристов. Или говорили два-три слова о том, что были крестьянские войны Степана Разина и Емельяна Пугачева, потом — декабристы, и после этого — крестьянская реформа, народничество, марксизм. Происходило страшное искажение исторической правды»¹⁵.

* * *

Еще в начале 20-х гг. большевиков не оставляла надежда, что старая интеллигенция может быть переучена, обращена в новую веру. «В. И. Ленин считался с тем, что без привлечения старых преподавателей специальных наук пролетариату не обойтись. Но он предложил обязать их изучить в кратчайший срок основы марксизма и сдать экзамен»¹⁶. Какие конкретные установки при этом давал он, вспоминал М. Н. Покровский. «Свяжите их (профессоров, преподавателей. — *Авт.*) говорил В. И. Ленин в устной беседе, твердыми программами, дайте им такие темы, которые объективно заставляли бы их становиться на нашу точку зрения. Например, заставьте их читать историю колониального мира... "Литература предмета" принудит наших профессоров рассказывать о мерзостях колониального капитализма вообще. Потребуйте, кроме того, от каждого из них основательного знания марксистской литературы; обяжите, что кто не сдаст специального марксистского экзамена, будет лишен права преподавания. Вождь революции был уверен: "Уверяю Вас, что если они не сделаются ортодоксальными марксистами, они все же будут излагать такие вещи, которые раньше совсем не входили в программу их курсов, а уж дело студентов, под нашим политическим руководством, использовать этот материал, как нужно"»¹⁷.

Сам Покровский тоже пытался указать на недостатки в мировоззрении некоторых историков в то время. В частности, обвинению в немарксистском подходе подверглись популярные книги С. Ф. Платонова «Борис Годунов» (Пг., 1921) и Р. Ю. Виппера «Иван Грозный» (Пг., 1922). Дело в том, что ни Платонов, ни Виппер никак не хотели признать, что стержнем исторического процесса является классовая борьба. Покровский определяет это как «классобоязнь», когда «нельзя ни под каким видом говорить о классовой борьбе, хотя бы вы о ней и знали». По его мнению, объяснение этому — в существовании

своеобразного «академического этикета», которым руководствуется старая профессура в угоду классу буржуазии, терпящей поражение, но помышляющей о реставрации¹⁸. Кроме того, Покровского, возможно, не устраивало и другое. Ведь в книге Виппера, как отмечает наш современник исследователь В. Г. Сафонов, «одна из ведущих тем — реабилитация и прославление России. Через все разделы ее проходит мысль о величии ее военной, административной, хозяйственной, дипломатической и духовной культуры. Это глубоко патриотическое произведение»¹⁹.

В 1922 г. Покровский как бы подводит итоги развития общественных наук в России за четыре послереволюционных года. По существу, он отрицает какие-либо позитивные результаты деятельности буржуазных ученых и пишет в пренебрежительном тоне о них и о русской истории вообще. «Российская буржуазная общественная наука, поскольку эта наука являлась более или менее непосредственным отражением жизни, не дала нам за эти четыре года ровным счетом ничего, что было бы отмечено печатью самостоятельной мысли», а «в области истории, экономики и права она уже бесплодна». Непосредственно «буржуазные историки за это время с какой-то необъяснимой предвзятостью культивируют темы, которые, с позволения сказать, были положены на чердак еще после первой революции. Дело доходит до перерывания в сотый раз такой ветоши, как путешествие княгини Ольги в Царьград». И «на этом фоне монография о Борисе Годунове, — делает снисхождение историк-марксист, — не дающая ни одного факта, который не был бы известен специалистам, и ни одной мысли, которую нельзя было бы найти уже давно в писаниях того же автора или других, более, чем он, радикальных историков, представляет уже „шаг вперед“»²⁰.

Однако, как известно, такие идеологические проработки и воздействия не возымели должного результата. И в 1922 г. принимаются более характерные для новой власти меры организационного порядка. Особо непримиримые оппозиционеры-«обществоведы», не переучившиеся и сохранившие прежние взгляды, высылаются принудительно за границу²¹. Наряду с философами-идеалистами, экономистами, социологами, писателями изгоняются известные историки А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский, В. А. Мякотин, А. П. Карсавин и др. Но высланы были не все. В России остался ряд историков «старой школы», из которых только некоторые и далеко не сразу стали приближаться к марксизму (А. Е. Пресняков, В. М. Пичета, Б. Л. Греков)²². Большинство же не изменили своих убеждений и своего научного «крело»²³.

С середины 20-х гг. начинается новый виток идеологической борьбы, в основном под флагом борьбы с буржуазностью дореволюционной исторической науки, но очень быстро в качестве мотивов обвинения начинают выступать шовинизм, великодержавность как наследие в целом буржуазной историографии²⁴. Кульминацией наступления на представителей «старой школы» становится «дело» русских историков. Одну из страниц борьбы приоткрывает в своих воспоминаниях А. Н. Анциферов.

Проходящий по этому делу С. В. Бахрушин упрекнул его в том, что будто бы на Всероссийском краеведческом съезде 1927 г. он «выступил с шовинистической речью». Как вспоминает А. Н. Анциферов Бахрушин тогда призвал краеведов собирать сведения и вещи о современном быте разных национальностей нашего Союза. «Если мы теперь не позаботимся об этом, то многое исчезнет безвозвратно». Выступление это было поддержано представителями разных народов. В частности, проф. С. Н. Чернов сказал: «Все это очень хорошо, очень нужно. Но следует среди разных национальностей нашего Союза не забывать еще одну национальность, русскую. Нужно предоставить и ей право позаботиться о фиксировании исчезающих явлений быта, а также уходящих из употребления вещей. Почему слово «русский» почти изгнано теперь из употребления?» В ответ — резкие протесты различных национальностей, обвинения в «великодержавной вылазке». Анциферов выступил

с пояснениями, сказав, что «речь идет не о каком-то преимуществе для русских, а о признании прав русской национальности на любовь к своей стране, как это признано за другими нациями»²⁵.

С резкой критикой старой буржуазной науки как великодержавной обрушился М. Н. Покровский. Ни в одном из своих предыдущих экскурсов в буржуазную историческую литературу он, выступая против буржуазности и мелкобуржуазности Соловьева, Ключевского, Шапова и др., не обвинял их так откровенно в «грехе» великодержавности²⁶. В предисловии же к сборнику «Русская историческая литература в классовом освещении» в борьбе против старых историков он прибегает к навешиванию ярлыка национализма. Русская историческая литература середины XIX в. (как и русская классическая литература) «насквозь великодержавна», пишет он. «И великодержавие ее чрезвычайно характерно для националистической политики. Для всех этих историков русская история есть история великорусского племени. ...Русский промышленный капитализм складывался вокруг Москвы, великорусского центра... Отсюда прежде всего великодержавность этой литературы, то, что она смотрит с московской колокольни».

В том же сборнике «национализм» русской историографии отметили (правда, вскользь) З. Лозинский в очерке «Историк великодержавной России. С. М. Соловьев» и М. Нечкина в статье «В. О. Ключевский». Первый писал: «На процесс образования Русского государства Соловьев смотрит глазами националиста-великоросса. Он отрицает сколько-нибудь значительное влияние других народностей, кроме великорусов, на ход русской истории, утверждая, что на Восточной равнине не наблюдалось даже "развитого провинциализма"». М. В. Нечкина заметила, что «шовинистичность концепции Ключевского очевидна — он упорно хочет видеть в "русской" истории историю именно русской национальности — и только»²⁷.

Борясь со старой историографией, Покровский ревностно оберегал современную науку от любых проявлений «великодержавности» и «шовинизма». Так, объектом его нападок стали работы крупнейшего русского этнографа Д. К. Зеленина. В 1927 г. был опубликован фундаментальный труд этого ученого «Русская (восточнославянская) этнография»²⁸, а в 1929 г. вышла его статья о происхождении великорусской народности²⁹. Взгляды Зеленина расходились со взглядами Покровского, поскольку последний «скептически относился к культуре и характеру русского народа». Зеленин был обвинен в «великодержавном шовинизме» и подвергся резкой критике³⁰.

Итог дискуссии по этим вопросам подвел сам М. Н. Покровский, напечатавший в 1930 г. статью «Возникновение Московского государства и „великорусская народность"». Вот ее последний абзац: «Российскую империю называли „тюрьмой народов". Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых, но и его предшественница, вотчина потомков Калиты. Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было „тюрьмой, народов". Великороссия построена на костях „инородцев", и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великорусов течет 80% их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет»³¹. Это обвинение предъявлено уже не старой историографии, не проклятым царям, а русскому народу и его истории. Так происходит переход от научных обвинений к политическим. Чтобы самого себя обезопасить от подобного, Покровскому придется публично заявлять о своей «правоте». В «Историки-марксисте» появляется его предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке». Этот очерк «носит будто националистическое название. Но это название есть просто дань прошлому, — оправдывается он. — ... Теперь мы больше не употребляем этого термина, мы говорим об истории народов СССР»³².

После этого заявления начинается последний этап изгнания не столько уже представителей школы дореволюционных историков (ими уже занимались соответствующие органы), сколько самих остатков русской национальной идеи, выразившейся прежде всего через изучение отечественной истории. Немалую роль в том сыграло и Общество историков-марксистов. Еще в августе 1928 г. в информации «О созыве Всесоюзной конференции историков-марксистов», подписанной председателем совета Общества историков-марксистов М. Н. Покровским и ученым секретарем общества П. Гориным, сообщалось о предстоящей работе на конференции секции «История России»³³. Однако на конференции, открывшейся 28 декабря 1928 г., эта секция уже имела название «История народов СССР»³⁴. Покровский не без пафоса прокомментировал это так: «От одной из устаревших рубрик нас избавил коммунистический стыд. Мы поняли — чуть-чуть поздно, — что термин „русская история“ есть контрреволюционный термин (! — *Авт.*), одного издания с трехцветным флагом и „единой неделимой“. У нас была секция „народов СССР“. ...История угнетенных народов не может не упоминать об истории народа-угнетателя (русского. — *Авт.*), но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей»³⁵.

Одним из результатов конференции стало провозглашение: «Лучшее средство для искоренения как „великодержавного“, так и всякого иного шовинизма»³⁶. Другим — ликвидация Института истории при РАНИОН (в 1929 г. было закрыто и существовавшее с 1804 г. Общество истории и древностей российских) и создание аналогичного института при Комакадемии, но с иной структурой подразделений. В речи при открытии Института истории при Комакадемии Покровский подробно остановился на вопросе перестройки в изучении истории. «Ни западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни средней истории, ни новой истории, ни новейшей — ничего нет! ...Мы решили таким образом организовать нашу работу в Институте, чтобы она была сосредоточена около основных нескольких крупнейших исторических проблем» (история империализма, история эпохи промышленного капитала, история пролетариата в СССР)³⁷. Так происходило насаждение узкой специализации историков. Тем не менее нововведения встретили полную поддержку историков-марксистов, расценивших их как «крупную заслугу», в результате чего «удалось... преодолеть косность домарксистских исторических рубрик...»³⁸.

Не отставали в гонениях на русскую историю от патриарха советской исторической науки и некоторые его коллеги. Так, в 1928 г. С. Г. Томсинский, один из активных участников в кампании по выборам в Академию наук СССР, выступил в «Ленинградской правде» с характеристикой ученого, М. К. Любавского, назвав одну из его работ «национально-шовинистической галиматсией»³⁹.

Новым толчком и политической основой для нагнетания обстановки стал XVI съезд ВКП(б) (июнь — июль 1930 г.). В выступлениях И. В. Сталина, Л. М. Кагановича и др. подчеркивались опасность национализма, необходимость решительного исправления искривленной ленинской линии «в области национального вопроса», под которым понимался наряду с «уклоном к местному национализму» и «уклон к великорусскому шовинизму»⁴⁰. В концентрированном виде задачи классовой борьбы на «национальном фронте» были сформулированы в «Резолюции по Отчету ЦК ВКП(б)». В ней, в частности, отмечалось: «Главную опасность на данном этапе представляет великодержавный уклон, пытающийся ревизовать основы ленинской национальной политики и под флагом интернационализма прикрывающий стремления отживающих классов ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии»⁴¹.

Послесъездовские номера рупора историков-марксистов — журнала «Историк-марксист» (17, 18—19-й) — во многом посвящались борьбе против национализма в историографии. Именно в них напечатаны ранее упоминавшиеся разъяснения Покровского по поводу названия «Русская история в самом

сжатом очерке» и его статья о происхождении великороссов. Здесь же были опубликованы и выпады против украинских и белорусских историков, также обвиненных в проявлении националистических тенденций⁴².

В нахлынувшей волне покаяния некоторые историки-марксисты за недостатком свежих работ с явно «националистической» направленностью находят ее у своих же коллег в книгах прошлых лет, когда еще сочетание «русская история» не рассматривалось как противоречащее официальной идеологии, и тому же не имеющих прямого отношения к русской истории. Такова, к примеру, рецензия М. Волина «Против великодержавной тенденции в истории». Начав с общих фраз об «украинском национализме» украинской историографии и «великодержавном шовинизме» «русской мелкобуржуазной и буржуазной историографии», рецензент пишет: «Эти националистические идеи проникают даже в ряды историков-марксистов, находят себе место среди близких к марксизму историков». Объектом его критики становится книга Розенталя «История Европы в эпоху торгового капитализма», выпущенная в 1927 г. Ограничившись лишь «русской» частью книги, рецензент ставит себе «задачу — вскрыть великодержавнический характер этой части книжки». 35 страниц «сжатого изложения истории России XVII—XVIII вв.» позволяют ему констатировать «непонимание, игнорирование, замалчивание и разные другие виды „грубого“ или „тонкого“ отрицания колониального характера царской России» — «одной из основных форм проявления великодержавного шовинизма в русской историографии». Наряду с этим автор «Истории Европы...» «следует великодержавным традициям» и «в своем изложении захвата Украины», да и его «терминология... не свободна от великодержавных влияний» (а ведь «Октябрьская революция вместе со многим другим выбросила в мусорный ящик истории и эти великодержавным шовинизмом рожденные имена и названия»). Итог, конечно же, неутешительный: «Главы, посвященные истории России в книжке Розенталя, являются проявлением великодержавных тенденций в исторической литературе». Поэтому необходима «решительная и беспощадная борьба со всяким проявлением всяких националистических тенденций в истории» как «одна из важнейших и основных задач историков-марксистов»⁴³.

Другой книгой, подвергшейся марксистской — «националистической» критике, стала «Книга для чтения по истории народов СССР». Т. 1 (1927 г.), выпущенная под редакцией М. Н. Покровского коллективом вполне благонадежных авторов (П. Лещенко, А. Малышев, А. Пресняков, Рахметов, М. Нечкина, С. Томсинский), да еще под эгидой Общества историков-марксистов. Тем не менее автор рецензии А. Гайсинович отмечал: «Содержание книги не оправдывает своего названия: все без исключения статьи относятся к истории Московской Руси, России, а не к истории народов СССР. <...> Мы потому остановились на этой как будто внешней стороне дела — о названии книги, — что в последнее время наблюдается такое явление (особенно распространенное в высшей школе), когда под ярлыком истории народов СССР подносится в сущности та же история России». Редакция в комментарии, сделанном в извинительном тоне, присоединялась к рецензенту: «Настоящая рецензия, отмечающая серьезные недостатки книги, на титульном листе которой значится имя Общества историков-марксистов, печатается нами как вполне справедливо критикующая названную работу. Следует лишь отметить, что книга составлялась почти 3 года тому назад»⁴⁴.

Однако самым последовательным и активным в преследовании русской исторической мысли в начале 30-х гг. показал себя бывший питомец Института красной профессуры С. А. Пионтковский⁴⁵. В своем безоглядном нигилизме в отношении старой историографии, подогреваемом обстановкой углубляющейся и расширяющейся «классовой борьбы», он, безусловно, превзошел своего наставника — Покровского. Последний все-таки признавал, хотя и с оговорками, и Соловьева, и Ключевского своими предшественниками⁴⁶. Для Пионтковского никакой преемственности между ними и историками-марксистами просто не

существовало. Его две статьи и брошюра стали вершиной политического, идеологического и научного отрицания и отвержения всей предшествующей отечественной историографии в прошлом и настоящем⁴⁷.

«Характернейшей чертой буржуазной историографии дореволюционной был национализм. Буржуазная историография не изучала в истории России национальных вопросов. Вся история России для нее была лишь историей Великой России», — такова исходная позиция одного из ведущих историков-марксистов того времени. Главным же «националистом» и, следовательно, основным объектом критики становится В. О. Ключевский, который «в своем безудержном национализме» рассматривал лишь историю «одного великорусского народа», не интересуясь «на всем протяжении своей исторической работы» «национальными вопросами». «Отрицание национального вопроса было у него ничем не прикрытым шовинизмом, обслуживанием великодержавных тенденций господствующей буржуазии...»

Однако виднейший русский ученый для Пионтковского не является самоцелью. Действительно, он и другие историки его времени сами по себе не представляли опасности, поскольку их давно уже не было в живых (В. О. Ключевский умер в 1911 г.). Другое дело — их идеи, мысли, концепции, научные школы... И Пионтковский без обиняков переходит к тому, ради чего затевалась вся кампания. Оказывается, «Ключевский и сейчас является знаменем для буржуазной историографии», и «в своих построениях исторического прошлого нашей страны буржуазные историки и сейчас исходят из положений Ключевского»⁴⁸.

Что же взято у него оставшимися «буржуазными» историками? «Шовинизм Ключевского, его глубокий великорусский национализм являются характерной чертой, которую сохранила наряду с отрицанием монизма, т. е. отрицанием марксизма, и многими другими чертами воззрений Ключевского буржуазная историография нашего времени. Великодержавность и национал-шовинизм свойственны всем буржуазным историкам России. В своих исторических работах эти историки по своей методологии, по своим концепциям, по своей фразеологии стоят на тех позициях, которые были свойственны зоологическому национализму московских лабазников»⁴⁹.

В «зоологическом национализме» обвинялись М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин — «историки прежде всего великорусского народа, певцы господствующего прошлого Великой России». В качестве примеров приводились работа М. К. Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности» (М., 1929), сборник статей С. Ф. Платонова «Из прошлого Русского Севера» (1923) и «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI в.» С. В. Бахрушина (1928). Так, монография М. К. Любавского оценивалась следующим образом: «При полном замалчивании истории отдельных национальностей и при подчиненном отношении к национальному вопросу, при упорной защите великорусской национальности — это является резко шовинистическим выступлением». Далее отмечалось, что «от оценки национального вопроса Любавским не отстает и академик Платонов». С. В. Бахрушин же в своей книге якобы «ни одной теоретической, ни одной социальной проблемы историк не ставит, он следит лишь за распространением великорусов на сибирской территории и этим самым лишь резче подчеркивает свой примитивный национализм»⁵⁰.

Окончательные же выводы Пионтковского носят отнюдь не научный характер и по сути являются политическим обвинением, выносимым на судебном заседании. Вновь подчеркнув «полную и тесную» связь между «работами русских буржуазных историков после Октября и работами буржуазной историографии до Октября», он пишет: «Эта одна и та же историческая традиция». Но это и «выступление одного и того же класса — класса буржуазии». И именно последнее утверждение проходит красной нитью через всю заключительную часть статьи. Оказывается, национальный вопрос для

сохранившейся буржуазии — это «одно из средств мобилизации сил на борьбу за свое утраченное положение. Обосновывая создание Московского княжества, описывая колонизацию Сибири, она тем самым описывает старую „Великую и Неделимую“. Последние остатки буржуазии своими историческими работами пытаются развернуть старую политическую программу. ...Для российской буржуазии национал-шовинистические выступления являются формой выражения ее тоски по потерянным позициям и ее стремлением к восстановлению разрушенной системы отношений. Вот почему буржуазные историки обостренно защищают политику старой царской России, вот почему они исключают национальный вопрос из исторического изучения. Вот почему они историю народов СССР трактуют лишь как материал, из которого создавалась русская история...» Но, несмотря на все их попытки, заканчивает Пионтковский, «подменить историю СССР историей Великороссии так же не удастся, как не удастся заменить диктатуру пролетариата диктатурой буржуазии»⁵¹.

В октябре 1930 г. Пионтковский вновь привлекает внимание историков-марксистов к этим проблемам. Он выступает с большим докладом «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия» на соединенном заседании секций промышленного капитализма Института истории Академии и Общества историков-марксистов⁵². В нем в основном были повторены положения вышеуказанной статьи, но более конкретно была рассмотрена «политическая и экономическая программа» современных «великорусских буржуазных историков», защищавших «на всем протяжении революции» «интересы великорусских собственников». И «если по характеру и положению буржуазной историографии судить о состоянии того класса, интересы которого она представляет, то мы должны сказать, — подводит итог Пионтковский, — что буржуазная историография свидетельствует о нежизненности буржуазии, о том, что она уже умерла. Ни одной живой мысли, ни одной темы буржуазия после Октября дать не может. Она только шамкает о прошлом, и эти выступления ее лишний раз подчеркивают, что мы имеем дело с представителями умершего класса, и наша задача заключается в том, чтобы помочь им скорее умереть, умереть без следа и остатка, а не заниматься тем, чем занимались в течение 10 лет до сих пор, издавали сборники трудов, печатали их работы и т. п.»⁵³

К политической оценке С. А. Пионтковского в целом присоединились участники прений по докладу. Тем не менее было отмечено, что «вопрос о великорусском шовинизме освещен был т. Пионтковским недостаточно» (А. В. Шестаков). К именам, названным в докладе, Шестаков добавляет еще академика-востоковеда В. В. Бартольда, который «представляет собой столь типичный образчик великорусского великодержавного шовинизма, что приходится только разводиться руками, почему такая книжка („Очерки культуры жизни Туркестана". — *Авт.*) могла появиться в нашей стране. По существу, это апологетика действий великодержавного русского шовинизма, русского капитала, русской колониальной политики в Средней Азии». Эту мысль развил Л. Мамет: «Те самые историки, которые в своих работах являются типичными российскими великодержавниками», «уходят в историю национальных окраин, делают своеобразный поворот и начинают обосновывать местный национализм — по-своему, конечно. Таким образом, получается своего рода стык великодержавного шовинизма с местным национализмом». Пример этого — работа С. В. Бахрушина «Исторические судьбы Якутии». Итог дискуссии подвел И. Л. Татаров. Еще раз подчеркнув то значение, которое имеет «проблема великодержавности и национал-шовинизма» для современного положения, он констатировал: «Буржуазные ученые живо откликаются на те проблемы, которые мы ставим. В противовес нашей постановке вопроса об истории народов СССР мы встречаем у них законченную постановку проблемы великодержавности»⁵⁴.

Однако и выступлениями Пионтковского, и состоявшейся дискуссией итоги

борьбы с русской историографией еще подведены не были. Пыл историков-марксистов в конце 1930-го — начале 1931 г. поддерживался следствием по «делу Платонова». О его результатах публично было объявлено 2 февраля 1931 г.⁵⁵ Историки-марксисты поспешили еще раз отмежеваться от «контрреволюционеров». 29 января, 1, 12 и 16 февраля в Ленинграде (как центре «вредителей на историческом фронте») состоялись совместные заседания Института истории при Ленинградском отделении Комакадемии и Ленинградского отделения общества историков-марксистов. С докладами о «вредительстве» «классовых врагов на историческом фронте» выступили директор Института истории Комакадемии Г. С. Зайдель («Тарле как историк») и доцент Ленинградского историко-лингвистического института М. М. Цвибак («Платонов и его школа») ⁵⁶... В выступлении последнего *была* затронута ставшая уже традиционной тема национализма русской историографии. Разбирая сочинения Платонова (особенно о Смутном времени) и касаясь общественной деятельности ученого (в частности, его участия в праздновании 300-летнего юбилея дома Романовых), он заявил: «Вокруг юбилеев (1909, 1912, 1913) складывается единство историков-монархистов. Во главе с Платоновым и Чечулиным издаются строго монархические, не чуждые антисемитского духа сборники...» Тогда же «националистическое крыло русских историков стало во главе основных русских буржуазных историков» ⁵⁷.

Более пространно высказался в прениях Н. Попов. Он связал воедино такие понятия, как «контрреволюционность» в «великодержавность»: «Разоблачая исторические взгляды Платонова, вскрывая их контрреволюционный характер, необходимо также обратить внимание на одну очень вредную сторону его исторических сочинений — на их откровенную великодержавность. Все работы дворянского историка, монархиста Платонова, насквозь великодержавны». «Даже великодержавно само определение задач русской исторической науки, даваемое Платоновым. Русский историк, по Платонову, изучает только один факт мировой исторической жизни — жизнь своей национальности. История нашей страны, по Платонову, есть история русского народа, многочисленнейшие народы нашего союза упоминаются на страницах его работ только как объекты кровавых подвигов сатрапов самодержавия, объект колонизации русского царизма, объект дворянской эксплуатации, насилий и зверств. В угоду истории Великой России, истории великорусской народности Платонов не стесняется даже исказить, фальсифицировать подлинный исторический процесс, процесс героической борьбы этих народностей против колониаторства Великой России». В поисках примеров Попов обращается и к учебной книге С. Ф. Платонова «Сокращенный курс русской истории», и к сборнику его научных статей «Прошлое Русского Севера». Написанное С. Ф. Платоновым он квалифицирует как «вредительство в исторической науке». Заключительные слова Н. Попова прозвучали как призыв к продолжению борьбы: «Заострить внимание работников исторического фронта против великодержавности в исторической науке тем более необходимо, что великодержавная идеология нашего времени есть по существу контрреволюционная идеология прямой защиты „Великой и Неделимой“» ⁵⁸.

На этот призыв, связывая его в очередной раз с решениями XVI съезда ВКП(б), немедленно отозвалось Общество историков-марксистов. На заседании фракции совета Общества историков-марксистов 6 февраля принимаются тезисы «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период». В них, в частности, говорилось: «XVI съезд ... напоминал историкам и еще об одной задаче, неудовлетворительно ими до сего времени разрешавшейся. В связи с социалистической реконструкцией XVI съезд во всей широте поставил перед партией национальный вопрос, указав на особенную опасность, которую в этот момент представляет уклон к великорусскому националистическому шовинизму...» На историков в связи с постановлениями XVI съезда ложится не только обязанность всячески разоблачать великодер-

жавный уклон... и проявления национального шовинизма в исторической литературе. ... Перед нами стоит уже теперь вплотную совершенно положительная задача — создание истории народов СССР»⁵⁹.

Номер журнала «Историк-марксист», в котором были напечатаны данные тезисы, стал, по сути, отчетом о деятельности советских историков в последние годы. Таковым являлся и материал «„Историк-марксист“ за пять лет (1926—1930 гг.)». Здесь отмечалось, что определенные шаги в борьбе с великодержавным шовинизмом журналом уже предприняты. «В последний год в связи с ростом сопротивления кулачества и остатков буржуазии, ищущих опоры, между прочим, в национал-шовинистических настроениях, журнал хотя и с опозданием, усилил борьбу с великодержавным и национальным шовинизмом в буржуазной и марксистской историографии»⁶⁰. В этом «признании» примечательна расстановка акцентов. Во-первых, шовинизм связывается теперь среди прочего с коллективизацией, а во-вторых, обращается внимание (и, пожалуй, впервые) на проявления великодержавности у историков-марксистов.

В этом же номере выступил и М. Н. Покровский⁶¹. Остановившись прежде всего на заслугах историков-марксистов в борьбе за Академию наук⁶², он коснулся предстоящих задач, в частности и по освещению в историографии национального вопроса. Рассматривая как пройденный этап критику «великодержавности» в сочинениях «буржуазных» историков, он предупреждает о недопустимости такого рода явлений в марксистской историографии, тем более, что обобщающие марксистские труды только еще предстоит создать. «Самое создание истории народов СССР есть еще дело будущего, и целая огромная область — область национального вопроса и всего, что с ним связано, борьбы с великодержавным шовинизмом как с главной опасностью и с местными националистами как с опасностью второстепенной, но не менее настойчиво требующей отражения, — только еще начинает нами разрабатываться. Так что историкам СССР хвастаться еще особенно нечем»⁶³.

Так в начале 30-х гг. завершился разгром русской национальной историографии. Большинство представителей русской исторической мысли были насильственно отстранены от своих занятий. Их (кроме тех, что принял марксистское учение) практически не осталось ни в академических, ни в учебных учреждениях. Их исследования русского исторического процесса подверглись уничтожающей критике с классовых позиций сторонниками новой воинствующей идеологической доктрины — марксизма. С середины 30-х гг. стала преподаваться история СССР. Началась и работа по созданию новых школьных и вузовских учебников.

Вместе с тем уже тогда становится ясно, что без патриотического воспитания и патриотического подъема нельзя построить сильное государство на международной арене. Воспитание же в духе патриотизма требовало, в свою очередь, обращения к историческому прошлому. Партийными директивами историки обязывались вновь заняться русской историей⁶⁴. Но эта история уже имела марксистскую подкладку...

Примечания

¹ На Отделении исторических наук и филологии РАН в 1916 г. говорилось о «русской исторической науке», «успешней занять почетное место даже в международном научном общении» (История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 591). То, что «отечественная наука (до 1917 г.) достигла мирового уровня в изучении почти 1000-летней истории России и зарубежных стран», признавалось и за рубежом (см. об этом: Золотарев В. О статье Н. И. Павленко // Отечественная история. 1992. № 4. С. 215. Автор ссылается на «Histoire et historiens depuis 50 ans. Methodes, organisation du travail historique de 1876 a 1926»/Vol. 1—2. Paris, 1927—1928. Vol. 1. P. 341—370/).

² Как известно, в советской историографии этот этап российской историографии трактуется как период «кризиса буржуазной историографии».

³ Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма//Исторические записки. Т. 76. 1965; Очерки исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. Вайнштейн О. Л. Становление советской исторической науки (20-е гг.)//Вопросы истории. 1966. № 7; Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческое наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968; Волков Л. В. Проблемы истории позднего феодализма в России в советской исторической науке (1917 — серед. 30-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975; Развитие исторического образования в СССР. Воронеж, 1976; Алексеева Г. Д., Желтова Г. И. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений. Ташкент, 1977; Клаус В. А. Методологические проблемы советской исторической науки (20-е — начало 30-х гг.): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1980; Соколов В. Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х — начала 30-х гг.). Томск, 1990; Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992; Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992 и др.

⁴ См.: Историческая наука в 20—30 годы: «Круглый стол» научного совета по историографии и источниковедению//История и историки. М., 1990. С. 64—105. Советские исследователи отмечали отсутствие преемственности дореволюционной буржуазной историографии и советской марксистской историографии 20-х гг. Так, Г. Д. Алексеева писала, что «марксистская историография начала 20-х годов явилась продолжательницей дореволюционных традиций, развивавшихся в большевистской общественно-политической и исторической литературе» (Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 11).

⁵ Дело доходило до курьезов, когда в научных и учебных учреждениях в ходу были такие выражения, как «история СССР феодального периода», «история СССР периода империализма» и т. д. Тезисно о гонениях на предмет русской истории см.: Брачев В. С. Трагедия академика Платонова//Ленинградская панорама. 1989. № 9. С. 28.

⁶ Голубков М. М. Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы. 20—30-е годы. М., 1992. С. 21.

⁷ Подробно о деятельности М. Н. Покровского на этом посту см.: Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 127—136, 140—154. См. также: О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992.

⁸ Луначарский А. В. О преподавании истории в коммунистической школе: Лекция, прочитанная на сентябрьских педагогических курсах в Петрограде в 1918 г. Пг., 1918. С. 10; Волобуев О. В., Кузина А. С. Методическая секция Общества историков-марксистов — в борьбе за преподавание истории в школе (1926—1931 гг.)//Развитие исторического образования в СССР. С. 59.

⁹ Ларин Ю. Советы и интеллигенция. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М. [б. г.]. С. 83—84.

¹⁰ Там же. С. 76. Надо сказать, что такая постановка вопроса вполне устраивала многих преподавателей. Так, одна из участниц 5-й методической конференции преподавателей совпартшкол (на которой, кстати, выступали Луначарский, Крупская, Покровский, Фридлянд), Шапиро из Нижнего Новгорода, заявила: «Если мы сделаем опрос наших историков, то мы увидим, что большинство из нас (ничего греха таить) не кончало никаких исторических факультетов, что мы больше понимаем историю, чем знаем ее. А понимаем мы ее потому, что учили Ленина, а не Милюкова, Ключевского и еще целый ряд историков» (Вопросы преподавания исторических дисциплин. М., 1926. С. 80). Позднее М. Н. Покровский признавался в ошибках: «Восемь-девять лет тому назад история была почти совершенно изгнана из нашей школы — явление, свойственное не одной нашей революции. Детей и подростков занимали исключительно „современностью“... результаты получились такие, что сейчас мы имеем жесточайший перегиб палки в другую сторону, жесточайшую историческую реакцию. Наши „обществоведы“ готовы изучать что угодно, до Рюрика и Ромула с Ремом включительно, лишь бы это была „история“. С этой реакцией нужно, конечно, бороться всеми силами». (Русская историческая литература в классовом отношении. Т. 1. М., 1927. С. 6—7.)

¹¹ Подробно о политике советского государства в 20-е гг. в отношении университетов см.: Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917—1925). Л., 1984. С. 155—156, 164—165 и др.; Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 30—147; Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 257—263, 272—273; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. С. 237—243.

¹² Перед ФОНами ставилась задача «разработки и распространения идей научного социализма, а также ознакомления широких народных масс с переменами в общественно-политическом строе России, с основными принципами советского управления» (Чанбарисов Ш. Х. Указ. соч. С. 62; Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 146 и сл. см. также: Купайгородская А. П. Указ. соч. 49—50, 56).

¹³ Материалы по профессионально-техническому образованию. Вып. 3. М., 1920. С. 23.

¹⁴ Такая реорганизация гуманитарного образования продолжалась и в последующие годы. Так, заместитель наркома просвещения В. Н. Яковлева отмечала в 1923 г., что в университетах необходима «переработка учебных планов многопредметности и универсализма, сокращение в программах исторической части и перенесение центра тяжести всего преподавания в область чисто специальной подготовки» (Яковлева В. Н. Организация высшей школы//Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. Пг., 1923. С. 22). Аналогичны высказывания и идеологов студенчества. Так, в петроградском журнале «Красный студент» его ответственный редактор Г. Горбачев прямо ставил вопрос: «Не слишком ли много истории прошлого мы даем в ущерб

современности тем нашим учащимся, которые получают специальное марксистски-коммунистическое и общественно-марксистское (по возможности) образование? Не слишком ли много исторического материала, не обязательного с точки зрения... задач истории в общей системе марксистского образования...?» «Надо твердо осознать, — требовал он, — что нам нужно исходить в построении программ из потребностей революционной современности, а не из осторожного подновления старых программ, отрешиться от всякого фетишизма перед тем, что люди прошлого периода считали за необходимый элемент „образованности“, и все пересмотреть» (Красный студент. 1923. № 7—8. С. 40, 42).

¹⁵ Рыбаков Б. А. История и перестройка. М., 1989. С. 33.

¹⁶ Чанбарисов Ш. Х. Указ. соч. С. 135, 157.

¹⁷ Покровский М. Н. Ленин и высшая школа//Правда. 1924. 27 января.

¹⁸ Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 136—140; Красная новь. 1922. Кн. 3. Май — июнь. С. 275—276. Взгляды Р. Ю. Виппера и С. Ф. Платонова критиковались и позже: Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет//Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. XXVI (2). С. 24—27; Буржуазные историки Запада в СССР//Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 47, 51.

¹⁹ Сафонов В. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 152.

²⁰ Покровский М. Н. Общественные науки в России за 4 года (1917—1921)//Наука в Советской России. М., 1922. С. 6, 8, 11—12. См. также: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 205—207, 217—218, 240—242. Наряду с критикой взглядов происходило закрытие исторических журналов («Русский исторический журнал», «Исторический архив», «Дела и дни», «Анналы»), сборников («Века», «Россия и Запад») якобы по причине финансово-материальных затруднений. Однако вместо них стали печататься марксистские журналы, освещавшие историю революционного движения в России («Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», позже «Историк-марксист»). См. также: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 39—48.

²¹ См.: Костюков В. В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 176—181; Яров С. В. Идеологизация советского общества и эмиграция 1922 г./Из российской эмиграции. СПб., 1992. С. 34—37; Пашуто В. Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992; Греков В. Н. Государственное насилие над интеллигенцией России//IV Соловецкий общественно-политический форум. Тезисы докладов Международной научной конференции. Архангельск; Соловки, 1992. С. 94—95.

²² Четыре раза на заседаниях Политбюро обсуждался вопрос о высылке известного русского историка-меньшевика Н. А. Рожкова. Ограничились ссылкой во Псков (см.: Родина. 1992. № 3. С. 9). О Н. А. Рожкове см.: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 219—223.

²³ Об идеальном размежевании русских историков в начале 20-х гг. см.: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 271—281.

²⁴ Необходимо отметить, что русский вопрос с самого начала находился в поле зрения победивших большевиков. В новейших исследованиях отечественной историографии отмечается, что «внимание Ленина было сосредоточено на проявлениях великодержавия» (Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. М., 1992. С. 157). Это нашло свое отражение и в резолюциях X съезда РКП(б), который посчитал «нужным указать на особую опасность и особый вред... уклона в сторону великодержавности, колонизаторства». (Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 607). Особо остро вопрос о великодержавности и шовинизме русского народа (по терминологии того времени: «великодержавность и русопятство») был поставлен на XII съезде РКП(б), определившем национальную политику в будущем. «Опаснейшим врагом, которого мы должны свалить», назвал «великорусский шовинизм» Сталин. Он был поддержан Зиновьевым, делавшим основной политический доклад: этот вопрос, говорил он, «мы должны, безусловно, поставить ребром», ибо «пропорция требует, чтобы мы прижгли (! — *Авт.*) прежде всего великорусский шовинизм». В том же русле высказался и Бухарин: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации... должны поставить себя в неравное положение... Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить доверие прежде угнетенных наций». Резолюция подвела итог этой антирусской кампании: «Решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первоочередной задачей нашей партии» (Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968; С. 481, 484, 494—495, 613, 694 и др.). См. также: Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. М., 1989; Барсенков А. С. Русский народ в международных отношениях (к преодолению стереотипов)//Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 73—75, 79; Вдовин А. И. Национальная политика 30-х годов (об исторических корнях кризиса международных отношений в СССР)//Там же. № 4. С. 24—28; Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР. М., 1992; Красовицкая Т. Ю. Указ. соч. С. 228—231.

²⁵ См. об этом: Анциферов А. Н. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 368 и др.

²⁶ Например, в цикле лекций под общим названием «Борьба классов и русская историческая литература», прочитанных в 1923 г. в Петроградском Коммунистическом университете им. т. Зиновьева, М. Н. Покровский лишь мимоходом, не заостряя на этом внимания, называет С. М. Соловьева автором «националистической теории» (Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (историографические оценки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 49).

²⁷ Русская историческая литература в классовом освещении/С предисл. и под ред. М. Н.

Покровского. Т. 1. М., 1927. С. 11, 17, 243, 254, 288. Наводит на размышления и то, что в 1927 г. (январь) пишет свои «Злые заметки» Н. И. Бухарин. Они пестрят по поводу русских литераторов такими выражениями, как «шовинистическое свинство», «юрюдствующий», «quasi-народный национализм» (См.: Российский ежегодник. Вып. 1. М., 1989. С. 206—210). Не отказался он от уничижительных оценок и в дальнейшем, изображая Россию страной, «где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых», а русских как «аморфную, малосознательную массу» (Бухарин Н. Наш вождь, наш учитель, наш отец//Известия. 1936. 21 января).

²⁸ Показательно, что книга вышла в Германии на немецком языке. На русском она увидела свет только в 1991 г. (Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991).

²⁹ Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности//Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Вып. 1. Л., 1929. Свои суждения по этому вопросу он высказал еще в 1921 г. См.: Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979. С. ПО.

³⁰ Гагген-Торн Н. И. Д. К. Зеленин как педагог и ученый (ленинградский период)//Проблемы славянской этнографии... С. 54—55, 42—43 и др.

³¹ Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность»//Историк-марксист. 1930. Т. 18—19. С. 28. Спустя время и М. Н. Покровский будет всенародно обвиняться в том, что он, проведя «блестящую работу по разрушению» буржуазных исторических концепций, «в противовес всем и всяким буржуазным историческим концепциям „Истории Государства Российского“ не разработал „историю хотя бы главнейших поработенных им народов“». А подчеркивая в последние годы необходимость изучения народов СССР, М. Н. Покровский «впал в другого типа крайность, оторвав изучение этой истории от изучения исторического процесса в России как определенном государственном образовании» (Бухарин Н. И. Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. И. Покровского)//Известия. 1936. 27 января).

³² Покровский М. Н. К истории СССР//Историк-марксист. 1930, Т. 17. С. 18. См. также: Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 165.

³³ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 261; Вестник Коммунистической Академии. 1928. Кн. XXVII (3). С. 318. В это время еще существовала в научно-исторических учреждениях и даже в самом Обществе историков-марксистов секция русской истории, а последнее готовило пятитомную «Книгу для чтения по истории России», охватывающую период с XVII в. по гражданскую войну (См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 291; Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930. С. 20).

³⁴ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 2. С. 574. В прениях на методической секции С. Кривцовым было заявлено: «...у нас даже история России уничтожена, а есть история народов СССР».

³⁵ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 2. С. VIII—IX. Другой известный историк-организатор того времени — Г. С. Фридлянд пишет: «Совершенно очевидно, что само по себе название „русская история“ давно пора было ликвидировать как пережиток „великодержавных“ тенденций в нашей среде. Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов поэтому говорит не о русской истории, а об истории народов СССР» (Фридлянд Г. С. Очередные задачи марксистской исторической науки//Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП. 1930. Март. № 4. С. 10).

³⁶ Покровский М. Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов//Историк-марксист. 1929. Т. П. С. 9.

³⁷ В основу этого деления был положен ленинский принцип преподавания истории, на который и ссылается М. Н. Покровский (Покровский М. Н. Институт истории и задачи историков-марксистов//Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 5, 8. См. также: Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 88). В резолюции конференции историков-марксистов отмечалось, что Ленин сделал «для понимания русского исторического процесса больше, нежели все обладатели всех исторических кафедр для „российских“ университетов» (Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 2. С. 611).

³⁸ Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19,03.30 г.//Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 166.

³⁹ Ленинградская правда. 1928. 7 октября; Горяинов А. Н. «Ленинградская правда» — коллективный организатор «великого перелома» в Академии наук//Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 112—113. Роль М. Н. Покровского в репрессиях против русских историков в конце 20-х — начале 30-х гг. не совсем ясна. К тому же в это время он сам становится объектом критики ряда историков-марксистов (см.: Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 175—176, 191—197). Однако как бы то ни было, выступления М. Н. Покровского и его последователей объективно явились идеологической подоплекой к «делу русских историков». (См.: Брачев В. С. Опасная профессия — историк. Страницы жизни академика С. Ф. Платонова//Вестник АН СССР. 1991. № 9. С. 65, 70—71; «Мне же они совершенно не нужны» (Семь писем из личного архива академика М. Н. Покровского)//Вестник РАН. 1992. № 6).

⁴⁰ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стеногр. отчет. М.; Л., 1931. С. 54—56, 77, 108, 242—243, 290 и др. Так, Скрыпник отметил: хотя «в этом вопросе принципиальные позиции партии давно были высказаны», «вполне правильно» сделал Сталин, когда «этот вопрос подчеркнул» (С. 242).

⁴¹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 716. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. С. 157.

⁴² Скубицкий С. Классовая борьба в украинской исторической литературе//Историк-марксист. 1930. Т. 17; Югов М. Положение и задачи исторического фронта в Белоруссии//Там же.

⁴³ Историк-марксист. 1930. Т. 18—19. С. 201—202. См. также: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их исторические школы. М.; Л., 1931. С. 221.

⁴⁴ Зайдель Г., Цвибак М. Указ. соч. С. 218. И в последующих рецензиях на работы современных авторов обязательно подчеркивалось «великодержавничество современных буржуазных историков» (Куршанак И. Как разрабатывают буржуазные историки идеологию интервенции//Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 115. Рец. на: Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. См. также: Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 145.

⁴⁵ В посвященной С. А. Пионтковскому статье современный его биограф, перечисляя его заслуги перед молодой советской исторической наукой, выражает сожаление по поводу его занятий буржуазной историографией (Литвин А. Л. В ряду первых советских историков//Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 129—130). См. также: Очерки истории исторической науки СССР. Т. IV. С. 163—164.

⁴⁶ «Мы не преклоняемся перед ними со слепой покорностью авторитетам, мы критикуем их, но мы не думаем отрицать, что мы многому от них научились и что без их работ не были бы возможны и наши работы» (Цит. по: Говорков А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976. С. 226). См. также: Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 173—175; Пионтковский С. А. Борьба М. Н. Покровского с российской буржуазной историографией//Историк-марксист. 1932. Т. 4—5. С. 86.

⁴⁷ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции в историографии России//Историк-марксист. 1930. Т. 17; его же. Великодержавная буржуазная историография последнего десятилетия//Историк-марксист 1930. Т. 18—19; его же. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. См. также: Пионтковский С. А. Борьба М. Н. Покровского с российской буржуазной историографией.

⁴⁸ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 21. В следующих своих работах он и его коллеги добавят к ученым, стоявшим на «великорусско-буржуазных национал-шовинистических позициях», Соловьева и Чичерина, а из современных — Готье, Кизеветтера, Бартольда, Любомирова и др. А так как «буржуазная демократия после Октября полностью повторила схему старой великодержавной историографии», то к последователям Соловьева и Чичерина были отнесены Плеханов и... Троцкий (Пионтковский С. А. Борьба М. Н. Покровского с российской буржуазной историографией. С. 86—87, 91 и др.).

⁴⁹ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 22. В другой работе он еще более открыто высказывается о В. О. Ключевском: «это был представитель шовинистическо-зоологической великорусской буржуазии» (Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. С. 32).

⁵⁰ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 22—23.

⁵¹ Там же. С. 25—26.

⁵² Его выступление, а также прения по докладу почти сразу же были напечатаны в «Историке-марксисте» (1930. Т. 18—19) и происходили под рубрикой «Буржуазная историография и идеология реставраторства».

⁵³ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 170. Популяризацией идей С. А. Пионтковского тотчас занялся Н. Рубинштейн, выпустивший брошюру «Классовая борьба на историческом фронте» (Иваново-Вознесенск, 1931), представлявшую собой «переработанный доклад, прочитанный на областной конференции преподавателей истории классовой борьбы и истории партии».

⁵⁴ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 170—176.

⁵⁵ Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова//Отечественная история. 1993. № 1. С. 125; Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом передоме»//Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.

⁵⁶ Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте...

⁵⁷ Там же. С. 93—94.

⁵⁸ Там же. С. 125. См. также: Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 145—147.

⁵⁹ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 10.

⁶⁰ Там же. С. 135, 136.

⁶¹ Там же.

⁶² Поворотным он видит здесь 1928—1929 гг.: «В дальнейшем нам почти уже не пришлось заниматься отечественными буржуазными историками, ибо наиболее крупные из них были уже нами разоблачены, а о других взяли на себя попечение соответствующие учреждения, и открытые признаки этих других избавили нас от всякой необходимости что бы то ни было разоблачать. Человека (имеется в виду С. Ф. Платонов.— *Авт.*), который сам о себе заявляет, что он хотел посадить „на всероссийский престол“ одного из бывших великих князей, разоблачать в монархизме, конечно, нет никакой необходимости, как нет необходимости доказывать, что лошадь есть лошадь, а не курица». (Там же. С. 3—4.)

⁶³ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 6—7. См. также: О работе Историко-археографического института АН СССР: Сообщение С. Г. Томсинского на заседании директората Института истории Комкадемии 9 апреля 1932 г./Историк-марксист. 1932. Т. 4—5. С. 352.

⁶⁴ В Замечаниях по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова от 8 августа 1934 г. говорилось: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР» (Правда. 1936. 27 января). Но вместе с тем группа Ванага обвинялась в том, что «она составила конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР» (Там же). Редакционные статьи от того же числа в «Правде» и «Известиях» откликнулись именно на второе положение, не увидев изменения в расстановке акцентов. К постановлениям 1934—1936 гг. в современной историографии отношение неоднозначное. См., напр.: Алаторцева А. И. Советская историческая периодика. 1917 — середина 1930-х годов. М., 1989. С. 231—232, 240—241; Нечкина М. В. Вопрос о М. Н. Покровском в Постановлениях партии и правительства 1934—1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (к источниковедческой стороне темы)//Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 232—246; История и историки. С. 97; Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 149—152.